

RU

Стратегия дискредитации как инструмент антироссийской пропаганды в речах немецких политиков

Чуриков М. П.

Аннотация. Цель исследования – охарактеризовать языковые средства реализации стратегии дискредитации России и российской внешнеполитической деятельности в речах немецких политиков. В статье рассматриваются речевые приемы реализации коммуникативного намерения, заключающегося в намеренной дискредитации внешней политики России и целенаправленном создании образа врага, а также анализируется их воздействующий потенциал с позиций функциональной прагмалингвистики. Научная новизна исследования заключается в попытке систематизировать используемые немецкими политиками языковые средства для формирования негативного отношения аудитории и обосновать их воздействующую силу. В результате исследования автор устанавливает, что стратегия дискредитации реализуется в следующих тактиках: тактика дегуманизации, тактика обвинения и тактика запугивания. Эти тактики подразумевают использование комплекса речевых приемов, воздействующая сила которых направлена на создание негативного образа (дегуманизацию) объекта дискредитации, а также обвинение его в преступных действиях и внушение чувства страха перед масштабом возникающих угроз и последствиями действий объекта дискредитации.

EN

Discrediting strategy as a tool of anti-Russian propaganda in the speeches of German politicians

Churikov M. P.

Abstract. The study aims to characterise the linguistic means of implementing the strategy of discrediting Russia and Russian foreign policy activities in the speeches of German politicians. The paper discusses speech techniques for the implementation of communicative intent, which consists in deliberately discrediting Russia's foreign policy and purposefully creating an image of the enemy, and also analyses their influencing potential from the standpoint of functional pragmalinguistics. The scientific novelty of the study lies in an attempt to systematise the linguistic means used by German politicians to form a negative attitude of the audience and to justify their influencing power. As a result of the study, the author finds that the discrediting strategy is implemented in the following tactics: the dehumanisation tactics, the accusation tactics and the intimidation tactics. These tactics imply the use of a set of speech techniques the influencing power of which is aimed at creating a negative image (dehumanisation) of the object of discrediting, as well as at accusing this object of criminal actions and instilling a sense of fear of the scale of emerging threats and the consequences of the actions carried out by the object of discrediting.

Введение

Современные международные отношения, характеризующиеся укреплением тенденции к многополярности и усилением роли России в попытке сохранить национальную идентичность и отстаивать свои геополитические интересы, определяют основную цель политической коммуникации – пропаганда идей, формирование общественного мнения и обоснование социально-политических решений (Балакина, Ульянова, Хабибулина, 2023, с. 36-37; Мамонова, 2023, с. 61). В политических выступлениях зарубежных политиков, в том числе и немецких, отчетливо прослеживается тенденция к дискредитации образа России и формированию негативного отношения аудитории к внешнеполитической деятельности нашего государства, что отмечается рядом исследователей (Орлова, 2015, с. 147; Морозова, 2017, с. 130; Никифорова, 2022, с. 60-61). Изучение языковых средств, используемых зарубежными политическими деятелями для воздействия на сознание массовой аудитории, приобретает особую актуальность, особенно в свете информационно-психологической войны, набирающей обороты в дискурсе СМИ (Кушнерук, Чудинов, 2019, с. 106).

Для разработки эффективных лингвистических инструментов, направленных на противодействие угрозам негативного информационного воздействия, следует знать, с помощью каких языковых средств немецкие политики ведут антироссийскую пропаганду. Поиск ответа на поставленный вопрос предполагает решение следующих задач: во-первых, охарактеризовать стратегию дискредитации с позиции функциональной прагмалингвистики; во-вторых, выявить тактики и приемы реализации данной стратегии в речах немецких политиков; в-третьих, описать и обосновать их воздействующий потенциал.

В соответствии с целью исследования для решения поставленных задач были использованы следующие методы: метод контент-анализа, метод компонентного анализа, элементы контекстуального, категориального и когнитивного анализа, а также интерпретация. Материалом исследования послужили тексты речей федерального канцлера Германии Олафа Шольца и федерального президента Германии Франка-Вальтера Штайнмайера, опубликованные в период с февраля 2022 года по март 2023 года. Общее количество проанализированных материалов составило 28 речей. Для иллюстрации обсуждаемых положений взяты примеры из следующих выступлений федерального канцлера: Rede von Bundeskanzler Scholz anlässlich der 77. Generaldebatte der Generalversammlung der Vereinten Nationen. 20.09.2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzler-scholz-anlaesslich-der-77-generaldebatte-der-generalversammlung-der-vereinten-nationen-2127820?view=renderNewsletterHtml> (ОИШ_01); Rede von Bundeskanzler Olaf Scholz anlässlich der Vergabe des Marion-Dönhoff-Preises an Irina Scherbakowa am 4. Dezember 2022. URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/suche/rede-von-bundeskanzler-olaf-scholz-anlaesslich-der-vergabe-des-marion-doenhoff-preises-an-irina-scherbakowa-am-4-dezember-2022-2149766> (ОИШ_02); Rede von Bundeskanzler Scholz anlässlich der Berlin Security Conference am 30. November 2022. URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/suche/rede-von-bundeskanzler-scholz-anlaesslich-der-berlin-security-conference-am-30-november-2022-2149770> (ОИШ_03); Rede von Bundeskanzler Scholz anlässlich des Jahrestreffens des World Economic Forum am 26. Mai 2022 in Davos. URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/suche/rede-von-bundeskanzler-scholz-anlaesslich-des-jahrestreffens-des-world-economic-forum-am-26-mai-2022-in-davos-2044026> (ОИШ_04) – и выступлений федерального президента: Statement zum russischen Angriff auf die Ukraine. 25.02.2022. URL: <https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2022/02/220225-Pressestatement-Ukraine.html> (ФБИШ_01); Bundespräsident Frank-Walter Steinmeier bei der Eröffnungsfeier des 102. Deutschen Katholikentages am 25. Mai 2022 in Stuttgart. URL: https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Downloads/DE/Reden/2022/05/220525-26-Deutscher-Katholikentag.pdf?__blob=publicationFile (ФБИШ_02); Jahrestag des russischen Überfalls auf die Ukraine. 24.02.2023. URL: <https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2023/02/230224-Jahrestag-russ-Angriff-auf-Ukraine.html> (ФБИШ_03); Abendessen mit den Parlamentspräsidentinnen und -präsidenten der G7-Staaten. 16.09.2022. URL: <https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2022/09/220916-Abendessen-G7-Parlamentspraesidenten.html> (ФБИШ_04); Verleihung des Deutschen Umweltpreises 2022. 30.10.2022. URL: <https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2022/10/221030-Deutscher-Umweltpreis.html> (ФБИШ_05).

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных исследователей в области политического дискурса (Михалева, 2009; Кушнерук, Чудинов, 2019) и прагмалингвистики (Федорова, 1991; Матвеева, Самарина, Селиверстова, 2009; Норман, 2009; Которова, 2019). В поле исследовательского интереса вошли также работы, посвященные изучению стратегий и тактик в политическом дискурсе и способам их реализации (Руженцева, 2004; Лабутина, 2019; Лежнина, 2022; Степанова, 2023).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при изучении функционально-прагмалингвистических особенностей политического дискурса, при исследовании воздействующего потенциала языковых средств, при создании инструментов эффективного речевого воздействия. Материалы исследования могут быть также использованы в процессе преподавания таких дисциплин, как психо- и социалингвистика, политическая лингвистика, межкультурная коммуникация.

Обсуждение и результаты

Во второй половине XX века в лингвистических исследованиях зарождается интерес к изучению воздействующей силы слова, к анализу механизмов выбора языковых единиц для наиболее эффективного достижения поставленной коммуникативной цели. Внимание исследователей стало постепенно смещаться к рассмотрению прагматического аспекта речевого общения. Согласно знаковой теории Ч. Морриса, прагматика представляет собой отношение между знаками и говорящим, следовательно, отношение между языковыми знаками и теми, кто их порождает, составляет предмет изучения лингвистической прагматики или прагмалингвистики (Которова, 2019, с. 100). Описать всю палитру этих отношений едва ли возможно, поскольку человек, порождающий языковые знаки, многогранен, а его коммуникативные интенции могут быть явными и скрытыми и зависеть от ситуации общения. Тем не менее во всем многообразии речевого взаимодействия между людьми можно выделить определенные типы коммуникативного поведения, реализуемые через стратегии и тактики и обуславливающие выбор тех или иных языковых единиц для достижения эффективности общения (Норман, 2009, с. 8).

Существует множество подходов к классификации стратегий, выявленных в политическом дискурсе. Классификации, предложенные О. Л. Михалевой (2009, с. 43) и Н. Б. Руженцевой (2004, с. 11), являются, на наш взгляд, универсальными и отражают основные задачи и цели политического дискурса. Весь арсенал существующих стратегий можно разделить на три основных типа: стратегии на понижение, или дискредитирующие

стратегии (стремление дискредитировать политического оппонента, умалить его авторитет); стратегии на повышение (стремление представить себя в выгодном свете); стратегии театральности или стратегии самопрезентации политика (стремление оказать воздействие на электорат). Каждый из перечисленных типов стратегий обладает своей воздействующей силой. Воздействующая сила стратегии дискредитации заключается в намерении не столько оскорбить, обидеть или унижить своего оппонента, сколько через трансляцию своего негативно-го отношения к нему или его деятельности вызвать определенную реакцию слушающей или читающей аудитории: навязать нужную точку зрения на происходящие события, сформировать необходимую мировоззренческую позицию. Другими словами, можно утверждать, что стратегия дискредитации имеет объект дискредитации (политический оппонент и его действия) и объект воздействия (массовая аудитория) (Ширяева, Черноусова, Триус, 2016, с. 180-181). Таким образом, прагматический эффект стратегии дискредитации связан прежде всего с речевым воздействием на массовую аудиторию, то есть с установкой отправителя сообщения определенным образом регулировать чувства, мысли и деятельность получателя сообщения (Федорова, 1991, с. 46).

В рамках функциональной прагмалингвистики (Матвеева, Самарина, Селиверстова, 2009, с. 52-54) речевое воздействие рассматривается в свете теории речевых актов и связывается с перлокутивным этапом реализации речевого акта, то есть с теми изменениями, которые происходят в состоянии получателя сообщения в результате понимания смысла высказывания отправителя сообщения. Так как эти изменения подчас сложно идентифицировать, особенно если речь идет об изменении каких-то внутренних установок, смене приоритетов, трансформации мировоззренческих устоев, внимание исследователей сосредоточивается на изучении того, какой смысл отправитель вкладывает в свое сообщение, в попытке определить, какую цель он преследует своим высказыванием, другими словами – на иллокутивной силе высказывания. Иллокутивный этап речевого акта реализует коммуникативное намерение говорящего. Коммуникативное намерение как раз и обуславливает выбор определенных языковых единиц для оказания максимально эффективного воздействия на слушающего. Этот выбор представляет собой речевое действие. Совокупность речевых действий составляет коммуникативную тактику в составе коммуникативной стратегии, которая мыслится как некий глобальный замысел.

Разнообразие обусловленных коммуникативным намерением речевых действий, отличающихся своими структурно-семантическими особенностями, находит свое отражение в многочисленных тактиках и приемах реализации стратегии дискредитации, выявляемых и анализируемых лингвистами. К их числу можно отнести тактики обвинения, оскорбления, высмеивания и повышения эмоциональной напряженности (Степанова, 2023); тактики противопоставления, создания негативного образа, косвенного обвинения, отождествления и иронии (Ширяева, Черноусова, Триус, 2016); тактику издевки (Бодулева, Дмитриева, Рюкова, 2022). К числу речевых приемов, используемых в рамках реализации стратегии дискредитации, причисляют сарказм (Лежнина, 2022), дисфемистическую замену (Бодулева, Дмитриева, Рюкова, 2022), многочисленные приемы эмоционального воздействия и негативной оценки, например обесценивание, переход на личности, угрозу, провокацию, намеки и др. (Лабутина, 2019, с. 146).

Материал проанализированных нами речей немецких политиков позволяет выявить ряд тактик и приемов, используемых для создания негативного образа России в свете сложившейся геополитической обстановки. В качестве объекта дискредитации выступают специальная военная операция (СВО), проводимая Россией на Украине, а также политические решения и действия российского президента. На наш взгляд, в реализации стратегии дискредитации можно проследить две основополагающие тактики, характеризующиеся взаимозависимостью и взаимообусловленностью: 1) сформировать образ врага (тактика дегуманизации); 2) обвинить во всех «смертных грехах» и антигуманных амбициях (тактика обвинения и запугивания).

Тактика дегуманизации (демонизации)

Тактика дегуманизации (демонизации) состоит в целенаправленном, намеренном формировании негативного отношения к политическому оппоненту. Эффект демонизации заключается в создании образа врага, лишённого всяких морально-нравственных устоев. Объект демонизации наделяется качествами, «несовместимыми с разделяемыми мировым сообществом ценностями», помещающими его «за пределы человеческих норм, принятых цивилизованным сообществом» (Иванова, 2016, с. 28). На первый план в реализации тактики дегуманизации (демонизации) выходят языковые единицы, воздействующие прежде всего на эмоциональную сферу адресата и имеющие, соответственно, аксиологическую природу. Языковыми маркерами реализации тактики дегуманизации (демонизации) выступают лексические единицы с негативной семантикой, дисфемистические замены и лексико-грамматические средства интенсификации негативного признака (Ширяева, Черноусова, Триус, 2016, с. 182).

Лексические единицы с негативной семантикой. Начало активной фазы СВО в феврале 2022 года вызвало бурную эмоциональную реакцию в немецком политическом истеблишменте, что нашло свое отражение в использовании большого количества языковых средств с ярко выраженной негативной окраской, характеризующих действия России на Украине. Доминантной лексической единицей для обозначения СВО в речах О. Шольца и Ф.-В. Штайнмайера выступает слово *der Krieg* «война». Негативные ассоциации, вызываемые лексемой «война», усиливаются за счет определительных компонентов *Angriff* «нападение, наступление, посягательство» и *Eroberung* «захват, покорение, завоевание» в составе композитов *der Angriffskrieg* и *der Eroberungskrieg* «захватническая война, завоевательная война», например:

(1) *Russlands Präsident hat unter lügnerischen Vorwänden einen Angriffskrieg gegen die Ukraine entfesselt* (Ф.-В. Штайнмайер, ФВШ_01). / *Под ложным предлогом российский президент развязал захватническую войну против Украины* (здесь и далее – перевод автора статьи. – М. Ч.).

(2) *Russlands Eroberungskrieg gegen die Ukraine ist durch nichts zu rechtfertigen* (О. Шольц, ОШ_01). / **Захватническую войну России против Украины нельзя ничем оправдать.**

Для повышения эмоциональной напряженности и эскалации негативного отношения к действиям России немецкие политики активно прибегают к использованию определенных с негативной коннотацией: *brutal* «жестокый, безжалостный, беспощадный», *grausam* «жестокый, страшный, ужасный», *imperialistisch* «империалистический», *menschenverachtend* «бесчеловечный», *verbrecherisch* «преступный», *völkerrechtswidrig* «противоречащий международному праву», *wahnwitzig* «сумасбродный, безрассудный, безумный», *zynisch* «циничный», например:

(3) *Der brutale, völkerrechtswidrige und verbrecherische Angriffskrieg Russlands gegen die Ukraine entsetzt, erschüttert und verstört uns* (Ф.-В. Штайнмайер, ФВШ_02). / **Жестокая, попирающая нормы международного права, преступная захватническая война России против Украины ужасает, шокирует и пугает нас.**

Дисфемистические замены. Использование языковых средств со сниженной коннотацией для замены стилистически нейтральных слов известно в лингвистике под названием «дисфемистические замены» (Бодулева, Дмитриева, Рюкова, 2022). Дисфемизмы являются ярким средством формирования негативного отношения к объекту дискредитации, так как оказывают воздействие на чувственную сферу человека, способствуют привлечению внимания и вызывают мгновенную эмоциональную реакцию (Кваскова, 2016, с. 353).

(4) *Doch ein Scheinfriede, der nur Putins Landraub besiegelt und die Menschen der Willkür der Besatzer überlässt, so ein Friede wird kein Friede sein* (Ф.-В. Штайнмайер, ФВШ_03). / **Но фиктивный мир, который лишь закрепляет путинский захват земли и оставляет народ на произвол оккупантов, такой мир не будет миром.**

В примере (4) Ф.-В. Штайнмайер намеренно использует слово *Landraub* «захват земли» для замены нейтральной лексики *Politik* «политика», чтобы вызвать негативную реакцию аудитории. Это достигается за счет значения основного компонента рассматриваемого композита *der Raub* «грабеж, ограбление, разбой», то есть внешне-политическая деятельность России характеризуется как разбойничья, захватническая. В примере (5) действия российского президента обозначаются лексемой *Wahn* «безумие, заблуждение», что также способствует созданию негативного образа политика, одержимого безумными идеями:

(5) *Putins imperialer Wahn zerstört das Leben der Ukrainerinnen und Ukrainer, aber nicht nur das Leben, auch das Land und die Lebensgrundlage der Menschen* (Ф.-В. Штайнмайер, ФВШ_04). / **Имперское безумие Путина разрушает жизнь украинцев, но не только их жизнь, но также страну и средства к существованию людей.**

(6) *Und hinsehen und handeln müssen wir, wenn Russland in Mariupol, Butscha oder Irpin Kriegsverbrechen begeht. Die Mörder werden wir zur Rechenschaft ziehen* (О. Шольц, ОШ_01). / **И мы должны смотреть и действовать, когда Россия совершает военные преступления в Мариуполе, Буче или Ирпене. Мы привлечем убийц к ответственности.**

В примере (6) бундесканцлер прибегает к использованию лексики *die Mörder* «убийцы» для обозначения лиц, причастных к реализации решений российских политиков в отношении Украины, и намеренно формирует в сознании аудитории образ преступников.

Лексико-грамматические средства интенсификации негативного признака. Интенсивность как лингвистическая категория характеризует количественное выражение качественного признака, маркируя в первую очередь степень отклонения от нормы. Выбор говорящим языковых средств для выражения данной категории носит субъективный характер, является продуктом сознательной деятельности и служит инструментом усиленного воздействия на эмоциональную сферу слушающего (Сюткина, 2019, с. 146-147). Именно отклонение от нормы выступает диагностирующим признаком, акцентирует внимание на особых характеристиках предмета или явления. Интенсификация негативного признака подразумевает прежде всего использование имен прилагательных в превосходной степени, а также наречий-интенсификаторов, благодаря которым негативный признак воспринимается аудиторией как чрезмерно избыточный и превышающий допустимую норму, например:

(7) *Hier geht es nicht nur um schwersten Völkerrechtsbruch. Hier tut sich auch ein unfassbarer moralischer Abgrund auf. Putin befiehlt schlimmste Vergehen an der Ukraine – und hat damit zugleich sein eigenes Land auf eine katastrophal abschüssige Bahn manövriert* (О. Шольц, ОШ_02). / **Речь идет не только о самом тяжком нарушении международного права. Мы имеем дело с непостижимым моральным падением. Путин отдает приказ о самых страшных преступлениях против Украины, направив тем самым свою страну по катастрофически скользкому пути.**

В примере (7) немецкий бундесканцлер выбирает превосходную степень имен прилагательных *schwer* «тяжелый, трудный, тяжкий», *schlimm* «плохой, скверный, дурной» для определения характера политических действий российского президента. В сочетании с лексемами *Völkerrechtsbruch* «нарушение норм международного права» и *Vergehen* «проступок, правонарушение», несущими отрицательную коннотацию, они способствуют формированию гипертрофированного негативного представления о событиях на Украине. Наречие *katastrophal* «катастрофически, ужасно» актуализирует усиление качественного признака прилагательного *abschüssig* «покатый, обрывистый, крутой».

Иллокутивная сила языковых средств реализации тактики дегуманизации (демонизации), как следует из рассмотренных примеров (1-7), отражает коммуникативное намерение немецких политиков: создать негативный образ объекта высказывания, наделять его отрицательными характеристиками и сформировать отрицательное отношение к нему и его действиям.

Тактика обвинения

Тактика обвинения характеризуется осознанным выбором языковых средств, направленных на убеждение аудитории в том, что вина в сложившейся ситуации целиком и полностью лежит на объекте дискредитации. В исследованиях, посвященных изучению обвинительного дискурса (Чурашова, 2013, с. 46), отмечается,

что исходным пунктом при формировании стратегии обвинения становится установление факта наличия события, вызывающего неприемлемость совершенного деяния или поведения. С синтаксической точки зрения обвинительные высказывания представляют собой конструкции, в которых носитель действия выступает объектом обвинения, а само действие выражает поступок, противоречащий правовым нормам, моральным ценностям и традиционным устоям (Сапрыкина, 2007, с. 15). Усиление обвинительной риторики достигается на лексико-семантическом уровне за счет включения оценочных лексем с негативной окраской (Сапрыкина, 2007, с. 14), что является приемом психологического воздействия: политик добивается от аудитории резонансного отклика на свои негативные эмоции и оценки (Чурашова, 2013, с. 47). Рассмотрим несколько примеров.

(8) *Mit seinem brutalen Angriffskrieg hat Putin furchtbares Leid über die Ukraine gebracht* (О. Шольц, ОШ_02). / *Своей жестокой захватнической войной Путин причинил ужасные страдания Украине.*

(9) *Die europäische Sicherheitsordnung der vergangenen Jahrzehnte aber hat Russland mit seinem völkerrechtswidrigen, imperialen Angriffskrieg zertrümmert* (О. Шольц, ОШ_03). / *Но европейскую модель безопасности последних десятилетий Россия разрушила своей имперской, попирающей международное право, захватнической войной.*

В примерах (8-9) объектом обвинения выступают российский президент и российское государство, которое олицетворяет высшее руководство страны. Действие выражается устойчивым глагольно-именным сочетанием с функциональным глаголом *bringen* (*Leid bringen* «причинять страдание») в примере (8) и глаголом *zertrümmern* (разрушать, разбивать, раздроблять) в примере (9), который несет в себе в данном контексте дополнительную негативную коннотацию, связанную с разрушением на мелкие кусочки, не подлежащие восстановлению.

Ярким примером реализации тактики обвинения могут послужить высказывания федерального президента Штайнмайера:

(10) *Es ist Russland, das sein Nachbarland brutal überfallen hat! Es ist Russland, das immer neue Truppen an die Front wirft* (Ф.-В. Штайнмайер, ФВШ_03)! / *Это Россия жестоко вторглась в соседнюю страну! Это Россия бросает на фронт все новые войска!*

(11) *Russlands brutaler Angriffskrieg bringt Tod, Leid und Zerstörung über die Menschen in der Ukraine; er beeinträchtigt europaweit die Energieversorgung, treibt die Preise in die Höhe, belastet Unternehmen und Bürger; er verschlechtert die Ernährungslage vor allen Dingen in den ärmeren Ländern dieser Welt* (Ф.-В. Штайнмайер, ФВШ_05). / *Жестокая захватническая война России несет смерть, страдания и разрушения народу Украины; она негативно влияет на энергоснабжение во всей Европе, повышает цены, обременяет предприятия и граждан; она ухудшает продовольственную ситуацию, прежде всего в более бедных странах мира.*

В примере (11) мы имеем дело с реализацией тактики безличного обвинения (Михалева, 2009, с. 48-49). Президент Германии рисует картину глобальной катастрофы, причиной которой он видит захватнические действия России на Украине. Объект обвинения не указан прямо, но коммуникативное намерение политика легко выявить: захватническую войну ведет Россия (*Russlands brutaler Angriffskrieg*), следовательно, во всех бедах, связанных с электроснабжением, ростом цен, ухудшением экономической ситуации, виновата Россия, то есть высшее руководство, принимающее решения.

Тактика запугивания

Стремление преувеличить размеры негативных последствий российской внешнеполитической деятельности не только для Германии, но и для мирового сообщества в целом составляет вполне четкую тенденцию, направленную на запугивание немецких граждан. По нашему мнению, мы имеем дело здесь с тактикой запугивания, когда политический деятель намеренно раздувает масштабы проблемы и заражает обывателей экзистенциальным страхом. Тактика запугивания в данном контексте сближается с тактикой создания образа «темного» прошлого, настоящего и будущего, которую Н. Б. Руженцева (2004, с. 133-134) выделяет в рамках реализации стратегии дискредитации. Тактика запугивания представляет собой один из наиболее эффективных механизмов создания негативного образа политического оппонента (Benesch, Maynard, 2016, р. 81-82), поскольку апеллирует к базовому инстинкту любого человека – инстинкту самосохранения, который активизируется через эмоциональное переживание страха перед смертью. Запугивание обладает большим психологическим воздействующим потенциалом, поскольку позволяет акцентировать внимание не на самой проблеме, а на эмоциях, обусловленных этой проблемой, и минимизировать стремление аудитории разобраться в истинных причинах сложившейся ситуации (Гусева, 2009, с. 123).

Коммуникативное намерение, составляющее основу запугивания, находит свое выражение в указании на имперские замашки России, в намеренном искажении и (или) сокрытии информации о целях и задачах СВО, а также в проведении параллелей с событиями Второй мировой войны.

(12) *Hier nimmt eine nuklear hochgerüstete Großmacht für sich in Anspruch, Grenzen neu zu ziehen. Putin will zurück zu einer Weltordnung, in der der Stärkere diktiert, was Recht ist, in der Freiheit, Souveränität und Selbstbestimmung eben nicht allen zustehen. Das ist Imperialismus* (О. Шольц, ОШ_04)! / *Здесь речь идет о том, что ядерная сверхдержава собирается перекроить границы. Путин хочет вернуться к мировому порядку, где сильный решает, что такое право, где свобода, суверенитет и самоопределение принадлежат не всем. Это империализм!*

В примере (12) мы видим, что Олаф Шольц апеллирует сразу к нескольким «концептуальным» страхам западноевропейских граждан. Во-первых, используется устоявшийся стереотип, связанный с территориальными особенностями России (*Großmacht* «сверхдержава»), а также с агрессивной внешней политикой нашего государства (*...nimmt für sich in Anspruch, Grenzen neu zu ziehen* «...собирается перекроить границы») (Орлова, 2015, с. 147; Сомкин, Сомкина, Пищина, 2020, с. 154). Во-вторых, подчеркивается (и немецкие политики неоднократно на этом акцентируют внимание) статус ядерной сверхдержавы (*nuklear hochgerüstete Großmacht*

«имеющая в своем арсенале высокотехнологическое ядерное оружие сверхдержавы»), то есть государства, гипотетически опасного с точки зрения развязывания ядерной войны, которая может привести к гибели всей цивилизации. В-третьих, указывается возможность посягательства России на традиционные демократические ценности – право на свободу, самоопределение и суверенитет. Резюмируя перечисленные действия России, немецкий бундесканцлер однозначно дает им определение – империализм, то есть позиционирует Россию как государство, стремящееся завоевать мировое господство и поработить весь остальной мир.

(13) *Jeden Tag sterben unschuldige Menschen, werden Mütter zu Witwen und Kinder zu Waisen. Jeden Tag trägt Russland unermessliches Leid in die Ukraine hinein* (Ф.-В. Штайнмайер, ФВШ_03). / *Каждый день гибнут невинные люди, матери становятся вдовами, а дети – сиротами. Каждый день Россия приносит Украине невыразимые страдания.*

Анализируя пример (13), можно обнаружить, что эффект запугивания достигается за счет использования лексических единиц с нейтральной семантикой (*sterben* «умирать», *Menschen* «люди»), которые в сочетании с определением *unschuldige* (невинные) подчеркивают рутинный и обыденный (*jeden Tag* «каждый день») характер происходящих преступных событий. Аудитория может домыслить и нарисовать в голове картину злодеяний, а заключительная фраза дает однозначный ответ на вопрос о злодее: *Jeden Tag trägt Russland unermessliches Leid in die Ukraine hinein* (Каждый день Россия приносит Украине невыразимые страдания). Такие высказывания немецких политиков способствуют искаженному пониманию целей и задач СВО: Россия планомерно уничтожает мирное население и разрушает инфраструктуру в угоду своим имперским амбициям.

(14) *Zum ersten Mal seit dem Zweiten Weltkrieg findet mitten in Europa wieder ein Eroberungsfeldzug statt. Russland spricht der Ukraine das Existenzrecht ab, will die Ukraine als eigenständige Nation vernichten* (Ф.-В. Штайнмайер, ФВШ_03). / *Впервые со времен Второй мировой войны в самом сердце Европы идут захватнические военные действия. Россия отрицает право Украины на существование и хочет уничтожить Украину как независимое национальное государство.*

В примере (14) мы наблюдаем попытку Ф.-В. Штайнмайера провести параллель с событиями Второй мировой войны. Высказывание немецкого президента представляет собой прямое сравнение деятельности России с политикой фашистской Германии. Цели и задачи проводимой Россией внешнеполитической деятельности отождествляются с целями и задачами, которые пытались реализовать в Третьем Рейхе: создание сверхдержавы путем порабощения соседних государств, ликвидация самостоятельности и независимости (*Russland spricht der Ukraine das Existenzrecht ab*), лишение права на национальное самоопределение (*will die Ukraine als eigenständige Nation vernichten*).

Как следует из рассмотренных примеров (8-14), иллюкативная сила языковых средств, используемых для реализации тактики обвинения и запугивания, заключается в стремлении немецких политиков обвинить Россию не только в развязывании конфликта на Украине, но и во всех вытекающих отсюда проблемах, а также внушить аудитории чувство страха перед масштабом грозящих бедствий.

Заключение

Проанализированный речевой материал позволяет нам сделать следующие выводы. Для реализации коммуникативного намерения, заключающегося в стремлении дискредитировать Россию, используются лексические, морфологические и синтаксические ресурсы языковой системы. Стратегия дискредитации обладает значительным воздействующим потенциалом, поскольку языковые средства, используемые для ее реализации, апеллируют прежде всего к эмоционально-чувственной сфере человеческой психики и способствуют формированию у аудитории чувства гнева, возмущения, отвращения, презрения, страха. Эти базовые негативные эмоции обуславливают создание негативного образа. Россия позиционируется как враг, которого нужно опасаться (тактика запугивания), потому что он совершает действия, противоречащие устоявшимся демократическим принципам и нормам морали (тактика обвинения) и характеризующиеся особой жестокостью и бесчеловечностью (тактика дегуманизации).

Исследование особенностей политического дискурса с позиций функциональной прагматологии открывает перспективы для дальнейшего выявления и описания речевых приемов и тактик, обладающих воздействующим потенциалом. Особый интерес представляет в этой связи изучение тактик манипулятивного воздействия, аргументативного убеждения, положительной самопрезентации и тактики компрометации политического оппонента.

Источники | References

1. Балакина И. А., Ульянова О. Б., Хабибулина С. Б. Репрезентация образа России во фрагменте политического дискурса // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97).
2. Бодулева А., Дмитриева Д. Ю., Рюкова А. Р. Дисфемистическая замена как средство реализации стратегии дискредитации в англоязычных текстах средств массовой информации // Русский лингвистический бюллетень. 2022. № 8 (36).
3. Гусева О. А. Условия реализации стратегии эмоционального резонанса в политическом манипулятивном дискурсе // Lingua Mobilis. 2009. № 5 (19).

4. Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59).
5. Кваскова Л. В. Дисфемизация речи как коммуникативная тактика в дискурсе // Преподаватель XXI век. 2016. № 3-2.
6. Которова Е. Г. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2019. Т. 23. № 1.
7. Кушнерук С. Л., Чудинов А. П. Становление лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4-1.
8. Лабутина В. В. Речевая стратегия дискредитации в дискурсивной практике комментария сетевого медиа-контента // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 4 (34).
9. Лежнина А. С. Сарказм как речевое средство реализации стратегии дискредитации политического деятеля (на материале текстов немецкоязычной прессы о Д. Трампе) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 2.
10. Мамонова Н. В. Специфика противодействия глобальным трендам (на материале российского медиадискурса) // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97).
11. Матвеева Г. Г., Самарина И. В., Селиверстова Л. Н. Два направления в современной прагмалингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12 «Психология. Социология. Педагогика». 2009. № 1-2.
12. Михалева О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
13. Морозова О. В. Семантическая доминанта «Агрессия» в американских СМИ (на материале политических публикаций о России) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-4 (78).
14. Никифорова М. В. Образ России в американских СМИ 2021 года (на материале статей журнала Foreign Affairs) // Политическая лингвистика. 2022. № 1 (91).
15. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика: на материале русского и других славянских языков. Курс лекций. Мн.: Изд-во Белорусского государственного университета, 2009.
16. Орлова О. Г. Образ России в зарубежных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-1 (49).
17. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 2004.
18. Сапрыкина Е. В. Способы репрезентации речевого действия «обвинение» в парламентском дискурсе: на материале парламентских дебатов бундестага ФРГ: автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2007.
19. Сомкин А. А., Сомкина А. Н., Пищина М. О. Механизмы оценочной стереотипизации и мифологизации в формировании образа России в современном российском и американском медиадискурсе // Гуманитарные науки и образование. 2020. Т. 11. № 4 (44).
20. Степанова Н. В. Лингвостилистические средства актуализации дискредитирующих тактик в жанре американских политических дебатов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 1.
21. Сюткина Н. П. Наречия-интенсификаторы в ситуации с эмотивными каузативами // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5. № 1.
22. Федорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6.
23. Чурашова Е. А. Обвинительный дискурс в постэлекторальной коммуникации // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 1 (21).
24. Ширяева Т. А., Черноусова Ю. А., Триус Л. И. Стратегия дискредитации в дискурсе современных британских парламентских дебатов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-3 (61).
25. Benesch S., Maynard J. Dangerous Speech and Dangerous Ideology: An Integrated Model for Monitoring and Prevention // Genocide Studies and Prevention. 2016. Vol. 9. Iss. 3.

Информация об авторах | Author information

Чуриков Михаил Петрович¹, к. филол. н., доц.

¹ Ростовский государственный университет путей сообщения

Churikov Mikhail Petrovich¹, PhD

¹ Rostov State Transport University

¹ maustag@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.06.2023; опубликовано online (published online): 15.08.2023.

Ключевые слова (keywords): речевое воздействие; стратегия дискредитации; прием; тактика; политический дискурс; speech influence; discrediting strategy; technique; tactics; political discourse.